

РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА

РОЖДЕСТВЕНСКИЙ РАССКАЗ А. П. ЧЕХОВА «ВАНЬКА»

В КОНТЕКСТЕ ЖАНРА И СОВРЕМЕННОЙ
КРИТИКИ

Диакон Дионисий Макаров
/ Денис Владимирович Макаров

доктор культурологии
профессор кафедры филологии Московской духовной академии
141300, Сергиев Посад, Троице-Сергиева Лавра, Академия
denis.makarov@mail.ru

Для цитирования: Макаров Д., диак. Рождественский рассказ А. П. Чехова «Ванька» в контексте жанра и современной критики // Богословский вестник. 2023. № 4 (51). С. 284–295. DOI: 10.31802/GB.2023.51.4.014

Аннотация

УДК 82.091 (27-36) (821.161.1)

Исследование представляет попытку расширения традиционного прочтения рождественского рассказа А. П. Чехова «Ванька». Цель статьи — выявить новые источники и смыслы рассказа А. П. Чехова «Ванька» путём рассмотрения его в контексте жанра рождественского рассказа и современной критики, а также в рамках подхода к исследованию художественного текста в русле православной культурной традиции. Основу методологии исследования составляет системный подход к анализу поэтики художественного произведения в контексте православной культурной традиции. Исследуются сюжет, мотивы, образы, символика рассказа и предпринимается попытка выявления авторской концепции чуда на данном материале.

Ключевые слова: творчество Антона Павловича Чехова, рождественский рассказ, рассказ «Ванька», чудо.

A Christmas Story by A. P. Chekhov «Van'ka» in the Context of the Genre and Modern Criticism

Deacon Dionysius Makarov / Denis V. Makarov

Doctor of Culturology

Professor at the Department of Philology at the Moscow Theological Academy

Holy Trinity-St. Sergius Lavra, Sergiev Posad, 141312, Russia

denis.makarov@mail.ru

For citation: Makarov, Dionysius, deacon. "A Christmas Story by A. P. Chekhov «Van'ka» in the Context of the Genre and Modern Criticism". *Theological Herald*, no. 4 (51), 2023, pp. 284–295 (in Russian). DOI: 10.31802/GB.2023.51.4.014

Abstract. The study represents an attempt to expand the traditional reading of Christmas Story «Van'ka». The purpose of the article is to identify new sources and meanings of A. P. Chekhov's story «Van'ka» by considering it in the context of the genre of the Christmas story and modern criticism, as well as within the framework of the approach to the study of literary text in line with the Orthodox cultural tradition. The basis of the research methodology is a systematic approach to the analysis of the poetics of a work of art in the context of the Orthodox cultural tradition. The plot, motives, images, symbolism of the story are examined and an attempt is made to identify the author's concept of a miracle using this material.

Keywords: works of Anton Pavlovich Chekhov, Christmas story, story «Van'ka», miracle.

Исследование представляет попытку расширения традиционного прочтения (и выявления нового смысла) рождественского рассказа А. П. Чехова «Ванька» в контексте жанра рождественского рассказа и современной критики, в нём также продолжают рассматриваться «евангельский контекст и поэтика рождественского рассказа»¹.

Рассказ «Ванька» был напечатан 25 декабря 1886 г. в «Петербургской газете», а «с 1900 года он входит в различные “Книги для чтения” и школьные учебники»². В советский период рассказ изучался в начальной школе и интерпретировался исключительно в рамках социально-критического подхода. Как отмечает О. В. Захарова,

«общей установкой в изучении произведения до сих пор является сопоставление “тяжкой доли” Ваньки Жукова и “счастливой”, “сытой” жизни современного школьника»³.

Несмотря на свою «зачитанность» и кажущуюся простоту, данный рассказ вызывает интерес и сегодня. Даже имея очень небольшой объём, он таит в себе ещё что-то неразгаданное. Об этом, в частности, свидетельствует наличие диаметрально противоположных оценок его содержания: от традиционного рождественского — до «антирождественского»⁴. Раскрыть возможно, если, во-первых, проанализировать рассказ в традициях жанра рождественского рассказа, сопоставив с наиболее близкими по сюжету произведениями Г. Х. Андерсена и Ф. М. Достоевского. Во-вторых, если учтём контекст современных литературоведческих исследований. И в-третьих, если заново проанализируем текст в рамках христианской культурной традиции.

Рождественский рассказ связан с празднованием Рождества Христова. Его происхождение восходит к европейской традиции, а именно к Ч. Диккенсу и его «Рождественским повестям». Этот жанр был чрезвычайно популярен как в Европе, так и в России до 1917 г. и начал активно возрождаться в современной России после Перестройки.

1 Макаров Д. В. Евангельский контекст и поэтика рождественского рассказа // Казанская наука. Филологические науки. 2012. № 7. С. 171–173.

2 Комова И. В. Поэтика святочных рассказов А. П. Чехова. URL: <https://www.prodenka.org/metodicheskie-razrabotki/297482-pojetika-svjatochnyh-rasskazov-ap-chehova>

3 Захарова О. В. Рассказ Чехова «Ванька»: сюжет, жанр, интерпретации // Проблемы исторической поэтики. 2020. № 2 (18). С. 261.

4 Душечкина Е. В. Русский святочный рассказ: становление жанра. Санкт-Петербург, 1995. С. 225.

Для рождественского рассказа характерны три основных признака: приуроченность действия ко времени Рождества Христова; нравственный урок — душеспасительное содержание, которое оказывает благоприятное воздействие на душу читателя; чудесное событие (неожиданная помощь, избавление от беды, духовно-нравственное преобразование человека, спасение души, и т. п.).

Первый и второй признаки неизменны, а вот характер третьего может меняться, поэтому можно предпринять попытку классификации и выделить несколько групп рождественских рассказов — по характеру происходящего в них чуда. Это может значительно помочь при интерпретации изучаемого произведения.

Первая группа — рассказы, где герои получают помощь в земных делах. Сюда относятся такие произведения, как «Чудесный доктор» А. И. Куприна, «Чудесный билет» И. С. Шмелёва, «Ночь накануне Рождества» Н. В. Гоголя и ряд других. Причём, если даже всё выглядит достаточно прозаично и обычно, как, например, у А. И. Куприна, где доктор Пирогов помогает семье Мерцаловых, всё равно это чудо Божие, так как происходит накануне Рождества. И даже, если, на первый взгляд, герою помогает нечистая сила, как кузнецу Вакуле, то всё равно, это чудо Божие, ибо заставляет нечистую силу делать что-то доброе Крест Христов. Кроме того, мы узнаём о Вакуле одну немаловажную подробность, он, оказывается, был самым набожным человеком в селе. Именно поэтому ему и достаётся под Рождество такой подарок, как исполнение заветного желания.

Другого рода рассказы, где происходит духовно-нравственное преображение героя. Это, конечно же, «Рождественская песнь в прозе» Ч. Диккенса, в которой злой и скупой богач становится щедрым и милосердным. Также русский перевод этой повести, сделанный известным историческим деятелем и философом-славянофилом С. А. Хомяковым⁵. К этой же группе относится рассказ Н. С. Лескова «Зверь».

Третья группа — рассказы, в которых чудесное событие связано со смертью героя. Но эта смерть осознаётся как спасение души, как избавление от страданий, как единственно возможный исход из этого

5 Своеобразие перевода Хомякова в том, что он, оставляя тот же сюжет и действующих лиц, переносит время действия рассказа с Рождества на Пасху. Его рассказ уже называется «Светлое Христово Воскресение». В этом выражается русский православный архетип. Действительно, для русского сознания, в котором главный праздник — Пасха, а не Рождество (как на Западе), духовное перерождение (или воскресение) героя должно совершаться именно на Пасху, когда воскресает Христос.

холодного и несправедливого земного мира в мир Божией любви и вечного блаженства. Сюда относятся такие рассказы, как «Девочка со спичками» Г. Х. Андерсена, «Мальчик у Христа на ёлке» Ф. М. Достоевского, «Рождество» В. Набокова. В данных произведениях умирают дети, а дети, по учению Церкви, безгрешны, что подтверждается церковной традицией — до семи лет допускать сих духовных младенцев до таинства Причастия Тела и Крови Христовых без исповеди. В рассказе Ф. М. Достоевского «Мальчик у Христа на ёлке» душу ребёнка по смерти встречает Сам Христос, а в рассказе Г. Х. Андерсена «Девочка со спичками» — любимая бабушка. Дети уходят в Царство Небесное — мир вечной любви. Конечно, вне религиозного мировоззрения и христианского контекста эти рассказы вызовут только горечь сожаления о социальной несправедливости, царящей в мире. Но, если читать их с верой в вечную жизнь, то остаётся совершенно другое впечатление. Авторы произведений показывают, что, к сожалению, социальные проблемы до конца не разрешимы на земле, но всё разрешимо у Бога в Царстве Небесном. У Бога — милости много и обителей много: «В доме Отца Моего обителей много» (Ин. 14, 2), и только у Него — высшая справедливость, и, как сказано в Апокалипсисе, Бог отрёт «всякую слезу с очей их» (Апок. 21, 4).

Основная идея набоковского рассказа «Рождество» — утверждение идеи бессмертия души. Ключевой образ — воскресающая куколка бабочки. Отец, потерявший единственного сына и приехавший в загородное имение свести счёты с жизнью, не верит в бессмертие души. Точно так же он не верит, что куколка экзотической индийской бабочки, купленная по настоянию сына у заезжего торговца, может оказаться живой. Он никак не ждёт от неё продолжения жизни, тем более в иной, более прекрасной форме, изначально считая её мёртвой. Но её внезапное «воскресение» — от тепла натопленной печи — потрясает и является неким знаменем, посланным Свыше, дабы убедить несчастного отца в бессмертии души его сына.

Существует ещё достаточное количество святочных рассказов, не укладывающихся ни в одну из названных групп по тем или иным характеристикам. Там чудо совершается собственным действием нечистой силы, как у А. Бестужева-Марлинского в «Страшном гадании», или вообще чудо подано в ироничной форме, как в «Маленькой ошибке» Н. С. Лескова. В этом проявляются различные отступления от христианской традиции, вызванные особенностями мировоззрения авторов.

Здесь уже нельзя говорить, что произведение полностью укладывается в канон традиционного христианского рождественского рассказа.

Обратимся к рассмотрению рассказа А. П. Чехова «Ванька». Если это традиционный рождественский рассказ, то должны быть налицо все три признака. Приуроченность действия ко времени Рождества — есть. Нравственный урок — несомненно. Рассказ вызывает у читателя «чувства добрые»: любовь, милосердие, желание заботы о нуждающихся. А вот есть ли чудо? На этот вопрос существуют различные точки зрения.

А. Г. Кутузов, в частности, считает, что чуда нет:

«Увы, чуда в Рождество не произошло. Чудо — раскрытие человеческой жизни перед нами»⁶.

Другой исследователь, И. А. Есаулов, относя этот рассказ к святочным, утверждает:

«Перед нами сюжет о светлом *рождественском чуде*»⁷.

В. В. Борисова, в свою очередь, критикует трактовку И. А. Есауловым «рождественского чуда» с эмпирической точки зрения. По её мнению, чуда не было, был сон ребёнка, а значит, и не было события⁸. Кто же прав? Давайте попробуем разобраться.

Во-первых, необходимо выяснить, как сам автор оценивал свой рассказ, относил ли он его к жанру рождественского рассказа или нет? И если относил, то в нём обязательно должно быть чудо, ибо оно является каноническим атрибутом. Как известно, впервые А. П. Чехов опубликовал рассказ именно 25 декабря (это Рождество по старому стилю) в рождественском номере «Петербургской газеты» 1886 г., тем самым утверждая принадлежность рассказа к данному жанру.

Во-вторых, важно определить, выражается ли в тексте религиозная вера автора? Посредством описания природы создаётся представление о сотворённости мира и скрытом присутствии Творца:

«Воздух тих, прозрачен и свеж. Ночь темна, но видно всю деревню с ее белыми крышами и струйками дыма, идущими из труб, дерева, посеребрённые инеем, сугробы. Все небо усыпано весело мигающими

6 Кутузов А. Г. Как войти в мир литературы. 5 класс. Методические рекомендации для учителя / ред. А. Г. Гутов, Л. В. Колосс. Москва, 2001. С. 38.

7 Есаулов И. А. Пасхальность русской словесности. Москва, 2004. С. 52.

8 Борисова В. В. Малая проза Ф. М. Достоевского: принцип эмблемы. Уфа, 2011. С. 61–62.

звездами, и Млечный путь вырисовывается так ясно, как будто его перед праздником помыли и потеряли снегом...»⁹.

Это ещё раз показывает веру автора в действие в мире Промысла Божия.

И, в-третьих, надо ответить на вопрос о чуде: происходит оно или нет и, если происходит, в чём состоит? В том, что лихие почтовые рождественские тройки доставили письмо адресату: именно тому самому дедушке, именно в ту самую деревню или же чудо состоит в чём-то другом?

Рассмотрим вопрос в контексте современной критики. Исследователи, изучая данный рассказ, разошлись во мнениях. Например, Е. В. Душечкина считает, что «...писатель ищет новые пути святочного жанра в разработке «антирождественских» мотивов, использование которых <...> имело целью показать несоответствие сути праздника безжалостной реальности жизни»¹⁰, то есть она определяет его как антирождественский, а для данного типа рассказа — по её мнению — характерен мотив несвершившегося чуда, читатель знает, что прошлое невосвратимо и всё самое лучшее у героя уже позади.

Как уже было показано выше, И. А. Есаулов считает рассказ святочным. Также он пишет:

«Как часто происходит в таких случаях, поверхностно понятое «содержание» совершенно затемняет смысловые глубины и семантические перспективы произведения. Недалёкому читателю слишком легко редуцировать смысл чеховского шедевра до юмористической сценки в сапожной мастерской»¹¹.

Исследователь считает, что чудо совершилось:

«В пределах этой реальности, в этом художественном мире невозможное, как представляется, чудо как раз происходит. Описанием этого чуда, случившегося в рождественскую ночь, и завершается рассказ: дедушка не только получает письмо, но и, “свесив босые ноги” с печки, “читает письмо кухаркам”. Рождественская “встреча” дедушки и внука, таким образом, состоялась – в единственно возможном

9 Чехов А. П. Ванька // Чехов А. П. Полное собрание сочинений и писем. Т. 5. Москва, 1976. С. 479. URL: <https://feb-web.ru/feb/chekhov/default.asp?feb/chekhov/texts/sp0/sp1/sp1.html>

10 Душечкина Е. В. Русский святочный рассказ: становление жанра. Санкт-Петербург, 1995. С. 225.

11 Есаулов И. А. Пасхальность русской словесности. С. 56.

для этой встречи поэтическом космосе произведения. Именно поэтому чеховский рассказ заканчивается вовсе не описанием адреса получателя (“На деревню дедушке”) и не статичным изображением заснувшего Ваньки, а изображением как раз подвижного и всегда оживающего (“он всегда оживал”) Вьюна. Около печи, с которой дедушка читает письмо, “ходит Вьюн и вертит хвостом...” Вновь обратим внимание на настоящее время, сопровождающее это изображение и дополнительно придающее ему статус действительно-го, а не только возможного события. По-видимому, рождественские “почтовые тройки с пьяными ямщиками и звонкими колокольцами”, которые развозят письма “по всей земле”, не миновали и деревню Константина Макарыча...»¹².

Таким образом, пусть и в форме сна, но содержание рассказа утверждает истину произошедшего чуда.

Критики уже обратили внимание на то, в каком положении мальчик пишет письмо: стоя на коленях. Это, фактически, молитвенное положение. Совсем недалеко находится икона — «тёмный образ». Важную роль играет такая предметная деталь, как «окно». Они — внутренне связаны. В христианском понимании икона — есть окно в духовный мир¹³. В комнате Ваньки в окне мелькает отражение свечи, и после этого начинается описание деревенского уюта. Мальчик как бы уходит в мистический мир заоконного пространства и видит своего деда. Дедушка тоже смотрит в окна — церковные, за которыми горят свечи.

Пространство и время в ночь Рождества получают способность трансформироваться, всё становится возможным — и происходит чудо Рождества. Чудо происходит именно в границах художественного произведения, в пределах художественной реальности. Описанием этого чуда завершается рассказ. Дедушка не только получает письмо, но и, свесив босые ноги с печки, читает его кухаркам.

В интерпретации И. А. Есаулова не обычные почтовые тройки доставили письмо, а Сам Бог сотворил чудо — и дедушка получил ещё не отправленное и даже не написанное письмо внука.

Интересно, что подобные случаи (получения неотправленных или даже ненаписанных писем) бывали в действительности. В жизнеописании Оптинских старцев встречаются случаи, когда святые старцы

12 Есаулов И. А. Пасхальность русской словесности. С. 56.

13 См. об этом подробнее: *Флоренский П. Н. Иконоста́с // Избранные труды по искусству. Санкт-Петербург, 1993. С. 43–49.* А также: *Борисов В. А. Современная икона. Изобретение традиции // Вестник церковного искусства и археологии. 2020. № 1 (2). С. 155–173.*

узнавали содержание писем, не распечатывая их¹⁴, а люди, писавшие им письма, получали ответы на вопросы, которые ещё не были даже отосланы. Чехов вполне мог слышать об этом. Следовательно, рождественское чудо состоялось.

Но является ли данная интерпретация (что письмо может быть доставлено бабушке) исчерпывающим ответом на вопрос о том, в чём, собственно, заключается рождественское чудо в данном рассказе? Неужели чудо состояло только в том, что письмо было доставлено бабушке сверхъестественным способом? Или есть в рассказе иной — более глубокий смысл, и есть некоторые детали, которые могут раскрыть этот иной план повествования, а следовательно, и смысла?

Подсказка содержится в высказывании другого современного исследователя, который очень близко подошёл к ответу:

«Письмо бабушке сохраняет черты жанра молитвенного обращения к Богу: прямое обращение, жалобы, просьбу об избавлении от бед, молитву и благодарность за исполнение просьбы (обещание помощи ближним)»¹⁵.

Также критики уже обратили внимание на то, в каком положении мальчик пишет письмо: стоя на коленях. Это фактически молитвенное положение. Ещё ближе подошла И. В. Комова:

«Эта коленопреклонённая поза, образ, свеча, указывают на то, что для Ваньки, это наивысший момент, момент откровения, крик о помощи, обращение не только к бабушке, но и к Богу»¹⁶.

Совсем недалеко находится икона — «тёмный образ». Эти детали подводят нас к новому пониманию.

Если, учитывая вышесказанное, ещё раз рассмотреть текст рассказа в контексте христианской культурной традиции, то можно найти и более глубокий духовный смысл. Как известно, имена героев Чехова зачастую несут значительную смысловую нагрузку и помогают понять авторский замысел. Обратим внимание на то, как зовут бабушку: Константин Макарович. Оба имени греческие. Осуществив их перевод с греческого на русский язык, можем понять, что означает имя

14 Житие оптинского старца Нектария. Козельск, 1996. С. 107.

15 Голод М. А. Ванька А. П. Чехова как рождественский рассказ // Вестник Алтайской государственной педагогической академии: студенческие и магистерские работы. 2009. № 1. С. 80.

16 Комова И. В. Поэтика святочных рассказов А. П. Чехова. URL: <https://www.prodenka.org/metodicheskie-razrabotki/297482-pojetika-svjatochnyh-rasskazov-ap-chehova>

дедушки. Константин — постоянный. Макарий — блаженный. То есть дедушка не кто иной, как *постоянно блаженный*. В Евангельском контексте слово *блаженство* в соединении с эпитетом *вечное* обозначает Рай. Получается, что — по существу — ни к кому из людей невозможно применить данные эпитеты. *Всеблаженство* — по православному вероучению — это одно из свойств Божиих. И Сам Христос сказал однажды: «Никто ни благ, как только один Бог» (Лк. 18, 19).

В связи с этим можно предположить, что содержанием рассказа, действительно, является детская молитва к Богу. Об этом, кстати, свидетельствует и молитвенное положение Вани, и параллель икона — окно, ведь икону именно и называют окном в духовный мир. В этом случае чудо совершается обязательно, ведь «Дедушка» — Бог не может не получить письма. Если Бог знает даже все сокровенные мысли людские, то, конечно, знает и о чём пишет Ему мальчик Ваня¹⁷.

В подтверждение такого прочтения можно ещё сказать, что в православной культуре существует такая традиция: писать записки и целые письма святым, оставляя их на местах погребения. В частности, в Санкт-Петербурге данная традиция с XVIII в. до сегодняшнего дня сохраняется в часовне блаженной Ксении на Смоленском кладбище. А. П. Чехов просто не мог этого не знать. Существует традиция и непосредственного письменного обращения к Богу. Так, например, будущий святитель Нектарий Эгинский (мирское имя: Анастасий Кефалас) (1846–1920) в возрасте 14 лет, когда его одежда, и обувь пришли в совершенную негодность, решил написать и отправить послание Самому Христу.

Анастасий был тогда совершенно одиноким, полунищим подростком, который приехал в Константинополь (Стамбул) на заработки. Содержание письма было следующим: «Христос мой, у меня нет фартука, нет обуви. Прошу Тебя послать их мне. Ты знаешь, как я люблю Тебя». Завершив своё краткое послание, мальчик положил его в конверт, на месте адресата написал «Господу Иисусу Христу на Небеса» и отправился на почту¹⁸.

Один из торговцев, встретив его по дороге на почту и взглянув на его босые ноги, взялся лично отправить письмо. Но когда, немного

17 При этом нельзя не учитывать и чеховского ироничного стиля, соединявшего серьёзное и смешное, комическое и трагическое, изображающего дедушку сидящим на печке (традиционно русская печь всегда белого цвета), то есть отдалённо подобным тем рисункам, ка которых изображали Бога в виде старичка, сидящего на белом облаке.

18 Сысоев Т. Письмо Богу из табачной лавки. URL: <https://foma.ru/pismo-bogu-iz-tabachnoy-lavki.html>

спустя, он взглянул на конверт и увидел, Кому именно предназначалось послание, весьма удивился, не удержался и ознакомился с его содержанием. Сжалившись над Анастасием, он от имени Бога сам отправил ему денежные средства¹⁹.

Скорее всего, А. П. Чехов не знал ни о митрополите Нектарии, ни о произошедшем с ним в 1860 г. случае. Но сам этот случай, произошедший с будущим святым Греческой Православной Церкви, настолько характерен для православного детского (и не только) сознания, что вполне мог неоднократно повторяться как в Греции, так и в России.

Рассмотрение финала рассказа в контексте жанра — на примере сопоставления с наиболее близкими по содержанию рассказами (к таковым относятся, прежде всего, рассказы о страдающих детях: «Девочка со спичками» Г. Х. Андерсена и «Мальчик у Христа на ёлке» Ф. М. Достоевского) — дают ещё один вариант интерпретации. Оба рассказа, как уже говорилось выше, совершенно непонятны вне христианского контекста, предполагающего веру в Бога, вечную жизнь и ангельски безгрешное состояние детей. В рассказе Чехова, конечно, нет изображения смерти Ваньки, но есть деталь, которая может указывать на её скорую вероятность:

«Он надел шапку и, не набрасывая на себя шубейки, прямо в рубашке выбежал на улицу...»²⁰.

Таким образом, особенно учитывая, что Ванька, как уже было показано выше, обращается «не только к бабушке, но и к Богу»²¹, возможным осуществлением чуда — теперь уже окончательного освобождения от страданий — становится исход, подобный аналогичным финалам рассказов Г. Х. Андерсена и Ф. М. Достоевского.

Проведённое исследование показывает, что анализ рождественских рассказов русских классиков, в частности А. П. Чехова, в контексте жанра и современной критики, а также в рамках подхода к исследованию художественного текста в русле православной культурной традиции даёт новые возможности в расширении их традиционного прочтения и раскрытия глубинных смыслов.

19 Святитель Нектарий, митрополит Пентапольский, Эгинский чудотворец. Биография. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Nektarij_Eginskij/

20 Чехов А. П. Ванька. С. 479.

21 Комова И. В. Поэтика святочных рассказов А. П. Чехова. URL: <https://www.prodenka.org/metodicheskie-razrabotki/297482-pojetika-svjatochnyh-rasskazov-ap-chehova>

Источники

- Житие оптинского старца Нектария. Козельск: Изд. Введенской Оптиной пустыни, 1996.
- Святитель Нектарий, митрополит Пентапольский, Эгинский чудотворец. Биография. [Электронный ресурс]. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Nektarij_Eginskij/ (дата обращения: 6.12.2023).
- Сысоев Т. Письмо Богу из табачной лавки. [Электронный ресурс]. URL: <https://foma.ru/pismo-bogu-iz-tabachnoy-lavki.html> (дата обращения: 06.12.2023).
- Чехов А. П. Ванька // Чехов А. П. Полное собрание сочинений и писем: [в 30 т.]. Т. 5. Москва: Наука, 1976. С. 478–482.
- Чехов А. П. Ванька. [Электронный ресурс]. URL: <https://feb-web.ru/feb/chekhov/default.asp?feb/chekhov/texts/sp0/sp1/sp1.html> (дата обращения: 16.12.2023).
- Флоренский П. Н. Иконостас // Избранные труды по искусству. Санкт-Петербург: МИФРИЛ; Русская книга, 1993. С. 43–49.

Литература

- Борисов В. А. Современная икона. Изобретение традиции // Вестник церковного искусства и археологии. 2020. № 1 (2). С. 155–173.
- Борисова В. В. Малая проза Ф. М. Достоевского: принцип эмблемы. Уфа: Изд. БГПУ, 2011.
- Голод М. А. Ванька А. П. Чехова как рождественский рассказ // Вестник Алтайской государственной педагогической академии: студенческие и магистерские работы. 2009. № 1. С. 78–80.
- Душечкина Е. В. Русский святочный рассказ: становление жанра. Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский гос. университет, 1995.
- Есаулов И. А. О некоторых особенностях рассказа А. П. Чехова «Ванька» // Евангельский текст в русской литературе XVIII–XX веков. Петрозаводск, 1998. С. 479–484.
- Есаулов И. А. Пасхальность русской словесности. Москва: Кругъ, 2004.
- Захарова О. В. Рассказ Чехова «Ванька»: сюжет, жанр, интерпретации // Проблемы исторической поэтики. 2020. № 2 (18). С. 260–270.
- Комова И. В. Поэтика святочных рассказов А. П. Чехова. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.prodlenka.org/metodicheskie-razrabotki/297482-pojetika-svjatochnyh-rasskazov-ar-chehova> (дата обращения: 23.11.2022).
- Кутузов А. Г. Как войти в мир литературы. 5 класс. Методические рекомендации для учителя / ред. А. Г. Гутов, Л. В. Колосс. Москва: Дрофа, 2001.
- Макаров Д. В. Евангельский контекст и поэтика рождественского рассказа // Казанская наука. Филологические науки. 2012. № 7. С. 171–173.